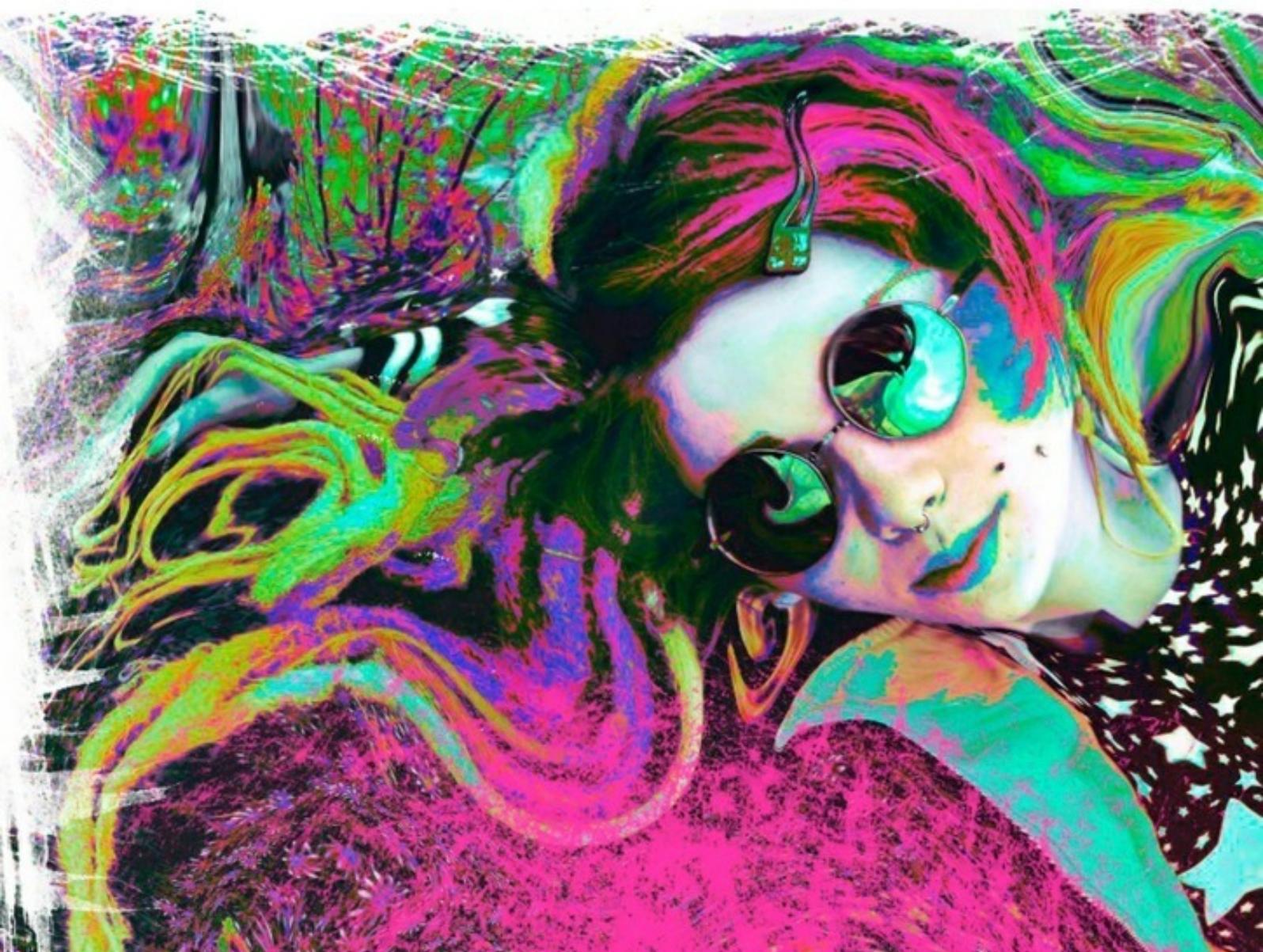

САЛИА
КАРИН **БАБОЧКИ
И УРАГАНЫ**

Саша Карин
Бабочки и Ураганы

«Издательские решения»

Карин С.

Бабочки и Ураганы / С. Карин — «Издательские решения»,

По улицам бродят ребята с молотками в руках и крушат все вокруг; на заброшенном часовом заводе меланхоличный сектант медитирует и разводит бабочек, а розоволосая девушка, гуляющая одна по ночам, не верит, когда ты говоришь ей, что вот-вот наступит конец света. Возможно, в мире просто не осталось ни капли здравого смысла. Выпей шоколадного молока и в последние секунды своей жизни попытайся расслабиться под прицелом револьвера бритоголового косоглазого паренька, считающего себя Богом.

Содержание

Предисловие	6
1	7
2	12
3	17
4	19
5	23
6	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Бабочки и Ураганы

Саша Карин

© Саша Карин, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Предисловие

Все персонажи и события вымышлены. Я не пропагандирую разведение бабочек и выращивание «сельдерей» на гидропонике. Я вообще ничего не пропагандирую. Я люблю хипстеров и не желаю им зла. Я фанат организованной религии. Все, что ты можешь прочитать в этой «книге», не имеет никакого отношения к реальности (все описанное происходит в параллельной вселенной).

«Факты» не являются фактами. Птеродактилей-киборгов не существует, и никому не удастся погладить шерстку мамонта. Жить на заброшенном часовом заводе – отстой. Отливать пули в подвале – опасно для здоровья. Рисовать волосатые члены на стенах – глупо. Не прокалывай булавкой гондоны своих друзей! Они это не оценят. Бегать по улице с молотком тоже не стоит.

Я против неоправданной жестокости и против суицида. Seriously, не прыгай с автострады, не закидывайся таблетками, не вскрывайся! Ты же не идиот. Лучше заведи собаку, навести маму, сделай что-нибудь хорошее. Жизнь прекрасна. И все такое.

Пожалуйста, отнесись к этой книге как к тупой шутке, которую мог бы рассказать твой недалекий дружок. Не воспринимай написанное всерьез. В конце концов, это всего лишь не слишком удачное цитирование Паланика.

Город утопает в слезах

С тобой писали мы

Мечты-антиутопии

найтивыход, «спайси роллы»

1

Твой день заканчивается так: ты стоишь на коленях, над головой летают бабочки, а Кир из банды «Ураганов» размахивает перед тобой своим самодельным револьвером и размышляет о том, что жизнь современного человека больше не имеет цели.

На самом краю крыши в рубероид ввинчена детская деревянная лошадка на пружине, потертое сиденье покрыто слоем разноцветной блестящей пыли.

По левому кроссовку Кира ползет большая желтая гусеница.

Кир говорит:

– Смысла больше нет.

И тебе не стоит с ним спорить, даже если прошлой ночью ты обрел этот самый смысл в объятьях розоволосой Евы.

Не так важно, кто из вас прав. Глупо спорить с бритоголовым парнем с револьвером в руке. Особенно если этот парень – Кир «Ураган». Псих, террорист и самопровозглашенный Бог Нового Мира.

Всего год назад он набивает татуировку в твою честь, а теперь собирается пристрелить тебя и закопать на вонючем пустыре.

Кир говорит, а ты вынужден слушать. Он просит тебя повторить его слова. Это очень важно, чтобы ты все усвоил. Повтори. Или он эвакуирует твои мозги из черепной коробки.

Кир пристрелит тебя в любом случае, но глупая надежда все равно заставляет подчиниться.

В отработанных пластинах аккумуляторов содержится сурьма, необходимая для сплава для отливки пуль. Знания Кира систематически хаотичны.

Дуло револьвера, вырезанное из масляной трубки экскаватора, сверлит тебя черным взглядом, а ты уставляешься в его угрожающую пустоту и повторяешь:

– Да, да, я понял. В жизни больше нет смысла.

Твоя нижняя губа онемела и разбухла, превратилась в засохшего мармеладного червячка. Ты трогаешь языком шатающийся зуб, ощупываешь синяк под глазом, а бритоголовый профессор улыбается и продолжает свою лекцию.

Один глаз у Кира косит, поэтому лучше не смотреть ему в глаза.

Итак, говорит Кир, смысла больше нет. Бессмысленное будущее наступило. И в этом будущем каждый из нас автоматически получает удостоверение победителя при рождении. Ты победитель-потребитель. И тебе не нужно убивать мамонта, чтобы это доказать. Не нужно добывать огонь, не нужно облачаться в шкуры и точить копьё. Мамонты давно вымерли, и тебе больше не на кого охотиться. Ты победитель по умолчанию. Угрюмый хозяин жизни, которому ничего от нее не нужно.

– Скажи, когда ты в последний раз встречал живого мамонта? – спрашивает Кир. Его рука дрожит. – С бивнями и всем таким. Когда ты в последний раз гладил его шерсть?

– Никогда, Кир. Я никогда не встречал живого мамонта. И никогда не гладил его шерсть.

Кир кивает.

– Потому что мамонтов больше не осталось. И отныне твоя простая безмамонтовая миссия – нажимать на кнопку, когда от тебя это требуется. Ты ложишься на диван перед телевизором и жмешь на кнопку. Ты садишься в кресло перед компьютером и жмешь на кнопку. Ты разводишь костер, ты заказываешь еду, ты смываешь за собой дерьмо одним нажатием кнопки. Нажми на кнопку и получи свою ежедневную дозу Комфорта, искусственного заменителя Счастья в яркой обертке.

Ты лабораторная тварь с иллюзией Свободы, купленной по скидке в торговом центре. Лампочка загорается – мышь крутит колесо. Лампочка гаснет – мышь расписывается в полу-

чении кусочка сыра. Условный рефлекс. Реакция на раздражитель. Твой пульс стабилен, пока твоя кормушка полна, а туалет убран. Ты способен бежать, пока видишь под ногами колесо и пока у тебя есть доступ к твоим любимым социальным сетям.

– Но что ты будешь делать, когда сервера упадут? – спрашивает Кир.

Он использует слово «когда», а не «если».

– Куда ты будешь постить свои селфи с кактусами? Как будешь следить за своей бывшей? Как узнаешь, что кому-то интересен?

Кир обращается ко мне, но его вопросы риторические.

Кир продолжает.

– Ты обустроил свою клетку. В твоём типовом мире на типовом этаже типового дома в типовом спальном районе есть все, что нужно твоему типовому внутреннему миру.

Без разницы, работаешь ли ты ассенизатором и пьешь «Охоту Крепкое» или пишешь статьи для FURFUR и зависаешь в «Солянке». Без разницы, сидишь ли ты на «крокодиле» или веганишь и угораешь по вебпанку. Весь смысл твоего существования можно свести к домашним тапочкам и краткому промежутку времени между работой и сном.

Ты давно разучился бороться. Мечтать ты разучился еще раньше.

Отныне и вовеки веков ты раб вещей, облегчающих тебе жизнь.

Повтори.

Револьвер – весомый аргумент. Ты единственный ученик в классе. Сенсей надрывается для тебя одного. Ты повторяешь:

– Да, да, я лабораторная тварь. Мое существование сводится к тапочкам и что-то там такое. Аминь. Аминь, твою мать!

И самое страшное, говорит Кир, что тебя это устраивает. Ты разучился видеть разницу между правдой и обманом. Между Свободой и ее иллюзией.

Однажды ты выгодно обменял шашку динамита на перьевую подушку. Теперь же ты уверен, что никогда не умрешь. В твоей почти идеальной жизни ничего и никогда не изменится. Лампочка загорится утром и погаснет вечером. В бесконечности данного момента от опасного и несправедливого мира тебя отделяют нагромождения типовых этажей. Пара десятков метров, несколько керамзитобетонных перекрытий и оборот ключа в замке твоей надежной стальной двери. Ты замкнут в удобстве и безопасности. Ты спокоен, почти счастлив и у тебя впереди еще пара десятков тысяч таких же спокойных и почти счастливых вечеров, отмеченных хэштегом «#комфорт».

Кир говорит, современный человек бесполезен и жалок. Он боится не за свою жизнь. Он боится за свой стиль жизни. Вот почему в мире больше не осталось ни капли смысла. Сплотни сухой комок слюны, уставься в затягивающую пустоту дула перед твоим лицом и повтори это.

А теперь, говорит Кир, представь спасительный Апокалипсис. Представь гитарный рев истерических воплей сирен и вой волчьей стаи. Представь бластбит глухих ударов молотков и хруст разбитого стекла.

Лампочка загорается, лампочка гаснет. Лампочка разбивается. Это раскаты грома в твоей ушной раковине. Это поезд, прибывающий на станцию у твоего подъезда. Ты не был готов к такому. Такое тебе не снилось и в самом страшном сне. Это паника, от которой розовые единороги, срущие радугой на мармеладных лугах, вешаются на пряничных деревьях.

– Открою тебе секрет, ничто не вечно. Комфорт не вечен. Иллюзорные ценности не вечны. И сегодня мираж потребительского Рая исчезнет навсегда. Сегодня волны ужаса обрушатся на «нажимателей кнопок», и каждый прозреет. Сегодня сгниют последние ошибки цивилизации и рухнет карточный домик Системы. Сегодня я объявляю Апокалипсис. Сегодня мы возвращаемся к истинным ценностям и абсолютному нулю.

Даешь симфонию скрежета металла каждому – бесплатно и без смс.

Даешь Конец света в стиле панк-рок.

Даешь вечеринку с взрывчато-алкогольными коктейлями по рецепту Че Гевары – три четверти бензина плюс четверть масла.

Даешь отрезвляющий пинок под зад современному человечеству, залипшему в свой смартфон.

Паника. Страх. Рок-н-ролл.
Вот чего хочет Кир.

Мы с Киrom находимся на крыше заброшенного часового завода на окраине Москвы. Отличная площадка для наблюдения за концом света. Или для вынесения смертного приговора. Шершавый рубероид, на котором мы когда-то играли в футбол, наверняка уже отпечатались узором на моих коленях.

План Кира по устранению Системы довольно прост.

Ацетон и перекись водорода необходимы для триперекиси ацетона. Это инициализирующее взрывчатое вещество, используемое в самодельных детонаторах. В своем составе не содержит нитрогрупп, поэтому не обнаруживается поисковыми собаками.

Засунь это добро в картонную коробку из-под обуви и иди творить величайшее волшебство из книжек про Гарри Поттера.

Сегодня умрет Старый Мир, но я жалею только о розоволосой Еве. Именно из-за нее я сейчас и готовлюсь получить пулю.

Ева. Где же она теперь?

– Ты что, плачешь? – спрашивает меня Кир.

– Это все пыльца, – говорю я дрожащим голосом и вытираю глаза окровавленным рукавом.

– Мне жаль убивать тебя, Попрыгунчик, – говорит Кир. – Но ничего не поделаешь, ведь ты сам вырыл себе могилу.

На самом деле могилу мне вырыли Сид и Тоторо, одни из первых террористов-учеников. Но сейчас я не в том положении, чтобы придирается к словам.

Я стою на коленях, склонившись перед Новым Богом, и жду смерти, потому что не должен мешать его заключительному аккорду систематического уничтожения Системы. Я уже променял свое место в Новом Мире на розоволосую Еву. Я предатель. А место предателя – в яме на вонючем пустыре у заброшенного часового завода.

На дуло пистолета опускается большая оранжевая бабочка. Я свожу глаза в кучку, но все равно не могу ее рассмотреть. Стоит попросить Кира отвести пистолет подальше от моего лица.

Вот-вот наступит Великое Ничего. Старый Мир вот-вот рухнет. Вселенский Хаос расцветет бутонами битых стекол под окнами спальных районов. Тысячи ребят с красными глазами оседлали птеродактилей-киборгов и носятся по улицам Москвы с молотками в руках.

Некоторых я знаю в лицо. Это банда «Ураганов». Последние охотники на мамонтов. Строители «Нового Мира». Армия самоубийц, перешедших черту.

Их черные балаклавы. Их окровавленные, разорванные шкуры-костюмы. Их сумасшедшие улыбки. Их мозги, промытые бабочками конопли и ураганами протеста. Им нечего терять и не к чему стремиться. Все их существование сводится к одной единственной цели – снести Старый Мир до основания. Они слепо выполняют приказы Нового Господа Бога.

Быть одним из них – значит быть Стихийей. Значит быть Совершенством. Значит быть Свободным.

Кстати о Свободе. Кир говорит, Свобода – это пашка динамита. Чем ее больше, тем веселее.

У Кира 2 тонны такой Свободы. Должно быть, он самый веселый человек на свете.

Повтори.

Как у всякого психа с бритой головой, косящим глазом, собственной примитивной философией, кучей взрывчатки и армией последователей, у Кира есть все необходимое для развития паранойи и мании величия.

– Жаль, что ты не увидишь рождение Нового Мира, Попрыгунчик, – говорит Кир, пожевывая сигарету, – жаль, что ты решил поменять меня на эту розоволосую суку.

Кир называет Еву розоволосой сукой, на которую я променял свое место в Новом Мире. Но что бы Кир ни говорил, Ева стала для меня важнее, чем банда «Ураганов», чем весь этот хренов хаос и даже – чем моя собственная жизнь.

Я умру. Старый Мир умрет. А я могу думать только о Ней.

Кир говорит:

– Чтобы обрести свободу реальную, придется отказаться от свободы виртуальной. Я тебе объясню. – Его правый глаз смотрит сквозь меня. Его левый глаз-гуляющий-сам-по-себе смотрит куда-то вбок. – Физический доступ к сети в Москве контролируют всего несколько крупных операторов, которые поставляют трафик остальным операторам поменьше. Представь себе ситуацию, в которой по нелепой случайности все они выбывают из игры.

Тогда почта снова будет доставляться с голубями.

Тамблер-девочки больше не смогут плавить веб.

Вероятно, кто-нибудь не продержится без фотографирования еды и двух суток – выпрыгнет из окна своей хрущевки.

В окружающем мире станет чуть больше дикого, первобытного смысла.

Конец света – нет интернета.

Кир не спешит спускать курок, он склоняется надо мной. Краем глаза я слежу за черной пустотой в жерле пожирающего меня ствола.

– А знаешь, в чем смысл? – шепчет Кир мне прямо в ухо. Я качаю головой. – А нет никакого смысла.

– Ясно, – говорю я, – Убей меня, только не трогай Еву. Разнеси все к чертям, но не трогай ее.

Кир обещает положить нас в одну могилу.

Нет. Только не Еву.

Отправь меня в самое сердце преисподней. Только не трогай Еву. Разорви меня и съешь мое сердце. Только не трогай Еву. Отключи нас от сети и доведи до суицида всех недотраханых тамблер-девочек Москвы. Только не трогай Еву. Принеси в жертву каждого первенца в каждом доме.

Только не трогай Еву.

Не трогай ее.

Выстрел.

Бесконечность момента подвешенного ожидания прерывает пуля, начиненная порохом пополам с крыльями бабочки. Она устремляется в мое сердце, а я закрываю глаза и лечу во мрак.

Я падаю на лопатки и закрываю глаза. Аминь.

И пока титры бегут по холодному рубероиду на крыше заброшенного часового завода, окрашенному каплями моей крови, у меня есть время подумать обо всем, что произошло за этот сумасшедший год. Обо всем, что привело к этому хаосу.

Обо всем, в чем есть частица моей вины.

Все закрутилось и полетело к чертям прошлой зимой, когда я впервые встретил Кира у автомата на углу.

Итак, повтори все с самого начала.

2

Вернись к прошлой зиме. Вот мне двадцать лет, никого рядом нет, и я провожу свой вечер в однокомнатной клетке на типовом этаже типового дома в типовом спальном районе.

Я еще не знаком с Киrom «Ураганом». Я просто несчастный нажиматель кнопок. Я лежу в ванной, наполненной детской пеной пополам с собственной кровью.

Не стану врать, что по жизни я победитель.

По десятибалльной шкале, где 10 – это челюсть Дольфа Лундгрена или дерзкий шпагат Ван Дамма, а 0 – розовый чехольчик для смартфона с наклейками в руках у недотраханной тамблер-девочки, я оцениваю свой поступок на 2,5. Это приблизительно эквивалентно пакету шоколадного молока с изображением кролика, у которого скручены уши а-ля петля висельника.

Ван Дамм точно не стал бы резать вены в ванной, как педовка.

И Вин Дизель бы не стал.

Ну, может быть, Том Круз.

У моего поступка нет определенной причины, в моей предсмертной записке нет ничего, кроме жалкого нытья и псевдофилософских размышлений о разочаровании в жизни, одиночестве, презрении «ко всем навязанным обществом ценностям и ярлыкам» и прочего дерьма в таком духе. Я удалил все страницы в социальных сетях, я потратил все деньги, я перессорился со всеми знакомыми и собираюсь тихо и спокойно покончить с жизнью: в самый последний раз расслабиться в ванной за просмотром любимого сериала, попивая шоколадное молоко из чашки с жизнеутверждающей надписью «Все к лучшему!».

Сознание постепенно растворяет в пене, молоке и восьми таблетках парацетамола. И я катапультируюсь на луну из подводной лодки, срывающейся вниз с Ниагарского водопада. Или вытянув руки вдоль туловища, отправляюсь в полет над Гранд-Каньоном без парашюта. Бесконечно долгий полет на другую сторону.

Когда лежишь в теплой ванне с детской пеной пополам с собственной кровью, время ползет со скоростью асфальтоукладчика в московской пробке.

По статистике каждые 40 секунд в мире кто-то переходит черту, а я вот уже десять минут топчусь в тоннеле между жизнью и смертью.

Посмотри на часы, уткнись в потолок, страдай от скуки, пока загружается последняя серия твоего любимого сериала на этом свете. У Жизни извращенное чувство юмора: ты вынужден убивать время, пока время убивает тебя.

Я тянусь к погасшему планшету и замечаю, что в моей чашке закончилось шоколадное молоко.

*Душа ронина
Молока с шоколадом
Просит капризно*

С ловкостью обдолбанного зомби я вылезаю из ванной, перевязываю левую руку полотенцем, надеваю домашние тапочки и накидываю халат. В моем холодильнике шоколадного молока тоже нет. Я плохо обустроил свою клетку.

Вот половину вечности я стою в лифте напротив зеркала, пропускаю в ноздри вонь собачьей мочи и сжимая сотню рублей в левой руке. Вот еще половину вечности я, покачиваясь, иду до ближайшего торгового автомата на углу. Мое предсмертное желание – стерилизованный комфорт объемом в 0,33 литра.

На улице очень холодно и очень темно. Хочется просто упасть и заснуть навсегда в первом попавшемся сугробе в свете тусклого московского фонаря. Но я бью по щекам и усиленно моргаю, пытаюсь привести себя в чувства. К финальным титрам я твердо решил стать хозяином собственной жизни – купить картонный пакет с коричневым кроликом в автомате на углу, вернуться домой, лечь в ванну с теплой пеной и кровью и досмотреть самую последнюю серию своего любимого сериала.

Я мечтал покончить с жизнью в одиночестве и спокойствии собственной клетки. Но что-то пошло не так – я встретил бритоголового Господа Бога с молотком в руке.

Прошлой зимой я знал, что Кир «Ураган» играл в панк-рок группе «Рычащие Искрами Пьяные Тигры». Или сокращенно – «РИПТ». Я знал, что их лучшая песня называлась «Бешеные страусы не прячут голову в песок». Я знал, что их басист был мудаком, а выступали они по грязным подвальным клубам.

Но прошлой зимой я, разумеется, не мог знать главного. Я не мог знать, что все пойдет так далеко. Я не мог знать, что он решит взорвать Старый Мир и похоронить меня на пустыре у заброшенного часового завода.

– Каждый сходит с ума по-своему, – говорит Кир.

И с этим не поспоришь.

– Мамонты вымерли, – говорит Кир. – Нам больше нечем себя занять. Давай напьемся и разожжем костер на проезжей части во имя Великого Хаоса.

Обычно, когда Кир говорит, он как будто говорит с целым миром. Читает лекцию, промывает мозги, курит и улыбается.

Сложно сказать, о чем он думает на самом деле.

– Мамонты вымерли, – говорит он.

И тебе остается только пожать плечами и согласиться.

– Прыгни с автострады, – говорит тебе Кир.

И ты прыгаешь.

Если Кир говорит своим террористам-ученикам прыгать с автострады, отливать свинцовые пули в подвале заброшенного часового завода или, скажем, засовывать дуло заряженного револьвера себе в рот – то они это делают.

Все делают то, что говорит им Кир «Ураган». У него настоящий ораторский талант. Как у гребаного Гитлера.

Как у пророка Мухаммеда.

Или как у Иисуса Христа.

Даешь Новому Богу нового Геббельса и нового Иуду. Верного пса и предателя в одном лице. Знакомься, это я. Во всех последствиях есть частица моей вины.

Детерминированно-хаотические системы чувствительны к малым воздействиям. Бабочка, взмахивающая крыльями в Айове, может вызвать лавину эффектов, которые достигнут наивысшей точки в дождливый сезон в Индонезии.

Никогда не знаешь, что в итоге приведет к величайшей акции бессмысленного протеста в мировой истории. К систематическому уничтожению Системы. К Величайшему тоталитаризму во имя Великой Свободы.

Пройдет год и мой выход из дома за шоколадным молоком появится в учебниках Нового Мира.

– Революция – это панк-рок! – закричит Кир, поднимая руки вверх и строя из себя пророка. – Мы должны играть громко, чтобы быть услышанными!

Террористы-ученики поддержат своего главаря диким воем.

– Новый Мир начинается с взрывов бласт-бита и рева гитар!
Но я-то знаю, что Новый Мир и Вселенский Хаос начинаются с шоколадного молока и прыжка с автострады.
И во всем этом есть частица моей вины.

Прошлой зимой Кир «Ураган» стал моим другом. Я встретил его у автомата на углу, когда он поднялся из подвала покурить, а я вышел за последней дозой комфорта в своей жизни.

В тот день пружина в старом вендинговом автомате прокрутилась, но кроваво-красная пачка Marlboro Red осталась на своем месте. В тот день басист «Рычащих Искрами Пьяных Тигров» не пришел на репетицию, поэтому Кир был и без того на взводе. В тот день пачка сигарет становится последней каплей и выводит Кира из себя.

Он злится. Автомат выдерживает его яростный удар, но Кир не сдастся так просто.

Кир вообще никогда не сдастся.

Под снегопадом он проходит несколько кварталов до ближайшего торгового центра и покупает в магазине стройматериалов обычный 800-граммовый молоток с деревянной рукояткой за 790 рублей. Чуть больше рубля за грамм. Через полчаса Кир возвращается к автомату и с трех мощных ударов молотка выносит стекло. Он берет положенную себе по праву пачку сигарет стоимостью в сотку. Больше он не берет ничего.

У Кира первобытное чувство справедливости.

Вот он стоит, прислонившись к раздолбанному автомату у спуска в подвал, курит и глядит на меня. В руке у него 800-граммовый молоток.

Кир невысокий, худой, с большими глазами и бритым наголо затылком. Он говорит, что получил прозвище «Ураган» за свой ураганный характер.

Я же думаю, что он сам его выдумал.

Холодный московский ветер гуляет по моей оголенной вене, а я подхожу к автомату в своем домашнем халате и тапочках, с тупым выражением лица и с насквозь промокшим полотенцем на левой руке. Бордовым пунктиром каплей крови отмечен мой путь от дома до угла.

Восемь таблеток парацетамола и двадцать минут в ванной из собственной крови приводят к апатии и небольшому головокружению. Не обращая внимания ни на парня, стоящего рядом с молотком в руке, ни на отсутствие стекла, я с третьего раза попадаю своей скомканной и пропитанной кровью соткой в купюроприемник. Пружина прокручивается, и картонная упаковка шоколадного молока падает в лоток. Я медленно опускаюсь, беру свою последнюю собственность и собираюсь уходить, когда слышу чей-то голос. Он пробивается сквозь туман и восемь таблеток парацетамола.

– Три литра, – говорит бритоголовый парень и выпускает дым мне в лицо. – Нужно потерять не меньше трех литров крови. Иначе тебя откачают. Тогда уже не сможешь даже и мечтать о смерти.

Кир смотрит на мое левое запястье и улыбается. Другой его глаз следит за глухим переулком.

– Если тебя откачают, будешь вечность лежать на больничной койке в позе бревна, пока твои мозги будут вариться в собственном соку, а из твоего накачанного шоколадным молочком тельца будут торчать полдюжины трубок. Они назовут это гуманизмом, буддизмом или онанизмом. Похеру. Будешь лежать так, пока какая-нибудь уборщица случайно не опрокинет твой аппарат жизнеобеспечения, оказав тебе услугу.

Я тупо смотрю на него.

– И что же делать? – спрашиваю я. – Чтобы наверняка?

Хочешь перейти черту – обратись к профессору Киру.

Капли крови с моего рукава падают на асфальт, а худой бритоголовый парень с молотком в руке улыбается белозубой улыбкой.

– Резать вены слишком долго и ненадежно, – говорит он, – лучше прыгать. Быстро, просто и по-мужски.

Ударом 800-граммового молотка Кир разбивает купюроприемник. Звенящей лавиной на асфальт устремляются монеты и бумажки. Он отсчитывает 790 рублей и убирает себе в карман.

У Кира первобытное чувство справедливости.

– На каком этаже ты живешь?

– На четвертом, – отвечаю я.

Он задумывается.

– Тогда лучше прыгать с автострады. Чтобы наверняка.

Я удивленно смотрю на него.

– По ночам много грузовиков, – объясняет Кир.

Вот под нашими ногами бурлит и пенится поток из грузовых машин. Ветер бьет в лицо. 11 метров в секунду. Гудят телефонные провода, тускло светит московский фонарь. С рекламного щита нам улыбается счастливая семья, купившая дачу в Подмосковье.

– Прыгай, – говорит мне Кир. – Представь, что за тобой гонятся бешеные, брызжущие кислотой саблезубые тигры, и твой единственный выход – это спрыгнуть с автострады.

Я начинаю медленно перелезть через перила, но останавливаюсь, перекинув только одну ногу.

– Я не смогу.

– Давай.

– Я передумал. – Я ставлю ногу обратно на землю.

– Не отступай, действуй. Не дай им тебя сожрать. Не становись добычей, умирай хищником.

Смело переходи черту. Действуй, говорит мне Кир.

Он снова закуривает, а я стою в нерешительности, облокотившись на перила, и смотрю вниз. Капля крови с левого запястья в замедленной съемке разбивается о трассу в пяти метрах под моими ногами.

– Закрой глаза и прыгай, – раздается голос Кира из-за спины. – Через секунду все будет кончено, твой труп размажет по шести полосам, и ты даже ничего не почувствуешь. Через секунду ты отратишь крылышки и отправишься прямиком в пидорский Рай, будешь пожимать там ручки пухленьким кудрявеньким ангелочкам, сидеть на облачке и смотреть, как твои кишки отдирают с асфальта.

Я говорю ему, что не верю в Рай. И вообще, уже ни во что не верю.

– Тогда что тебе мешает? – пожимает плечами Кир.

Он говорит, вся прелесть в том, что не нужно во что-то верить, чтобы прыгнуть с автострады. В жизни больше нет смысла. Просто сделай шаг навстречу Неизвестности и посмотри, что будет.

Я собираюсь с духом и снова перекидываю через перила левую ногу. Затем – правую. Я сижу на самом краю. Ветер бьет мне в лицо, бурлит и пенится под моими ногами поток грузовых машин, тускло светит московский фонарь, семья улыбается с рекламного щита...

Резкий удар в спину. Толчок – и я отпускаю руки и лечу вслед за каплей крови с левого запястья. Через секунду все будет кончено, мой труп размажет по шести полосам, и я даже ничего не почувствую.

Где-то надо мной раздается смех Кира. Меня поглощает бордовый туман, смешанный с шоколадным молоком. Я теряю сознание. Отрастить крылья и улететь.

И я лечу. Лечу в пустоту и бесконечность. Время рвется, шипит и сгорает, как кино- пленка. 4 метра. Каждый из бессмысленных вечеров моей жизни проносится перед глазами, отражаясь в гранях снежинок, замерших в воздухе. 3 метра. Желтый трехколесный велосипед, закат у бабушки в деревне, китайский солдатик, похороны кота, морские волны. 2 метра. Голые азиатки, унитаз на вписке, небесные фонарики, первый поцелуй, курсовая, давка в метро, осен- ние дожди, черный кофе. 1 метр. Запахи, цвета, звуки. Кровь и шоколадное молоко. Расщеп- ление на атомы, свет и тьма. Крики, боль, алкоголь, смех, ненависть, слезы.

Я устремляюсь в черную, затягивающую пустоту. По асфальту бегут титры.

Вот так позапрошлой зимой я и познакомился с Киrom «Ураганом».

3

Двухдневная кома. Пустота и антибиотики. Вечность, помноженная на вечность. Я умираю и рождаюсь вновь. «Все к лучшему» – написано на моей кружке.

Кир, бритоголовый парень с 800-граммовым молотком, приходит меня навестить. Я открываю глаза, разбуженный его громким смехом. Раскаты гремят по больничным коридорам, эхом раздаются в операционных и реанимациях. Смех Кира отражается от болотно-серых стен в тюрьме для больных и потерявших надежду. Кир сидит на стуле в моей палате и громко смеется, даже не пытаясь сдерживаться.

– Переломы челюсти, трещина в левой ноге, сотрясение мозга, частичное нарушение слуха, – говорит Кир, листая мою карту, – два литра, массивная кровопотеря... Черт, не могу поверить, что ты это сделал!

Я приподнимаюсь на локте и уставляюсь на него.

Мы оба знаем, кто заставил меня шагнуть в Неизвестность.

А Кир захлебывается смехом. Ему весело.

– Черт, они наверняка поставили тебя на учет в психушку. Ты теперь даже в контору по продаже говна не строишься, ха-ха-ха!

– Что со мной? – спрашиваю я, ощупывая свое перебинтованное лицо.

– Ты словил подбородком грузовик и шмякнулся на разделительную полосу. Ты просто псих, парень. Самый везучий псих из всех психов.

Я хочу пожать плечами, но мою спину сводит от боли, потому я просто опускаюсь на подушку. Медленно крутится вентилятор на потолке. Один оборот. Два. Десять. Где-то в коридоре гремит инвалидная коляска и раздается противный сухой кашель.

– Ладно, пошли, – говорит Кир, закрывая мою карту и поднимаясь с места.

– Что?

Я балансирую на грани между жизнью и смертью, а Кир говорит:

– Вставай, на улице отличная погода.

Я слышу его слова, но они долетают до меня с задержкой. Мой кабель широкополосного интернет-соединения порезан бритвой на левой руке, изломан на подбородке и перекручен в левой коленной чашечке.

Мое тело разбито на тысячи осколков и заклеено бинтами, а Кир говорит:

– Хватит валяться, неженка.

На улице отличная погода, а я не чувствую своих ног. Переломы челюсти, трещины в левой ноге, сотрясение мозга, частичное нарушение слуха, массивная кровопотеря. А Кир называет меня неженкой.

– То ты порхаешь над автострадой, то боишься, что разойдутся швы? – Кир закуривает прямо в палате. – Поднимайся, мы немного прогуляемся.

Мое тело разбито на тысячи осколков, но я сползаю с края кровати и опускаю ноги на холодный пол. Я все еще под тяжелым наркозом. Мои мертвенно-бледные пальцы реагируют на нервный импульс, посланный мозгом лишь спустя 0,5 секунды. Все бы сейчас отдал за пакет шоколадного молока.

– Не ной, переставляй ноги.

Кир закидывает мою руку себе на плечо, и мы направляемся к лифту.

– Если не уйдем сейчас, то они тебя точно закроют, – говорит он, пока мы быстро идем по коридору, – попрыгунчиков вроде тебя консервируют в палатах без окон и месяцами промывают мозги. Для «них» ты всего лишь очередной псих, пятно на рукаве общества. Для «них» ты навсегда останешься самоубийцей, сдавшимся слабаком со шрамами от бритвы на левой руке.

Под «ними» Кир подразумевает нажимателей кнопок.

– Так куда мы идем? – спрашиваю я.

– Подальше отсюда, – Кир вызывает лифт. – Не бойся, Попрыгунчик, я тебя вытащу.

Кир должен был прочитать мое имя в медицинской карте, но он все равно называет меня «Попрыгунчиком». Теперь у меня есть кличка. Никогда в жизни у меня еще не было клички.

Вот мы едем в лифте вместе с полудюжиной больных, а Кир курит и улыбается. Клубы дыма поглощают кабину. Старичок в инвалидном кресле многозначительно кашляет.

У Кира своя философия. Довольно простая философия. Ты свободен делать все, что захочешь. Твоя Свобода безгранична, пока ее у тебя не отнимут. У старичка в инвалидном кресле нет Свободы, потому что он слаб. У Кира есть Свобода, потому что он силен. Животная справедливость, позволяющая Киру курить в лифте.

– Это ведь ты толкнул меня с автострады? – тихо спрашиваю я.

Я задаю вопрос, хотя уже знаю на него ответ.

– Просто решил тебе помочь, – с улыбкой говорит Кир. – Ты ведь все равно собирался умереть?

Старичок испуганно таращится на нас.

– Да, но я выжил.

– Выжил и стал сильнее, – уточняет Кир. – Можешь сказать мне спасибо.

Я под тяжелым наркозом, мне уже все равно. Поэтому я пожимаю плечами и говорю спасибо.

Двери открываются. Первый этаж. Клубы едкого дыма выползают на серый больничный потолок приемного отделения. Старичок пулей вылетает из кабины-револьвера.

– Забудем прошлые обиды, – говорит Кир, хлопая меня по плечу, – пойдем прогуляемся. Будет весело.

Забыть прошлые обиды.

Два дня назад бритоголовый парень толкнул меня с автострады, а теперь он предлагает мне пойти прогуляться.

Как хорошо, что я под тяжелым наркозом и мне уже все равно, куда идти и откуда прыгать. Мое будущее раскатало по шести полосам. Началась моя новая жизнь, в которой уже нет смысла.

– О'кей, – говорю я, – пойдем прогуляемся.

И мы с Киrom забываем прошлые обиды и выходим на улицу.

4

Осторожно, двери закрываются, следующая станция – «Неизвестность».

Пока мы едем в метро, Кир рисует огромный волосатый член на дверях вагона. Прямо под надписью «не прислоняться».

– Это какой-то протест? – спрашиваю я.

– Нет, это волосатый член.

Кир знает толк в глупом и бессмысленном. Он рисует волосатые члены во имя Великого Развлечения.

А Великое Развлечение – это единственное, ради чего стоит жить, объясняет он. Это единственное, что нам осталось.

*Мамонты сдохли,
Нам нечем себя занять
Смысла нет больше.*

Мы одинокие охотники, оставшиеся без добычи. Мы рисуем наскальные рисунки на дверях вагонов во имя Ничего. Мы несемся в мрачное никуда в надежде, что наш поезд разобьется, сойдет с рельс на следующем повороте.

– Это волосатый член, – говорит Кир, – просто глупый и бессмысленный волосатый член.

Маленькая девочка с воздушным шариком в руке внимательно смотрит на рисунок, пока мама не берет ее за руку и не отводит подальше от нас.

Вот так и попадают в плохую компанию.

Через полчаса и четыре станции мы стоим под дверью Нуф-Нуфа. Однушка в типовом здании в типовом спальном районе, 140 мм керамзитобетонных перекрытий.

«Будет весело».

Кир стучит в дверь кулаком и говорит, что Нуф-Нуф – его знакомый. Они вместе играют в группе «Рычащие Искрами Пьяные Тигры». Нуф – ударник, а Кир – гитарист. Недавно они выгнали басиста, потому что он оказался безответственным мудаком, забывающим на репетиции.

Я притворяюсь, что мне интересно все это слушать. Я изучаю коврик с рыбками Инь и Ян под дверью.

Уже десять минут Кир колотит в дверь без перерыва, но нам никто не открывает. Я тяну руку к звонку.

– Звонок не работает, – говорит Кир, продолжая колотить в дверь, – резкие звуки отвлекают Нуфа от медитации.

Кулак врезается в сталь, а я пожимаю плечами и прислоняюсь к стене. Пока мы стоим на лестничной клетке, бритоголовый парень, столкнувший меня с автостреды, рассказывает о своем сумасшедшем друге. Настоящее имя Нуф-Нуфа – Нуфариат Нуфариуриат Асхалат Всевидящее Око. Это имя ему дал Космос.

Я же думаю, что он сам его выдумал.

Кир смеется и колотит в дверь.

Нуф-Нуф верит, что ему суждено спасти мир, взрастив космический урожай и поднявшись по радужной винтовой лестнице, сотканной из крыльев тысячи бабочек. Он разводит бабочек у себя в квартире. У Нуфа совсем беда с мозгами.

– Так что мы тут делаем? – спрашиваю я.

– Мы стоим под дверью, – отвечает Кир.

Меня гипнотизирует его белозубая улыбка. Он продолжает рассказывать о своем дружкесипсихопате, бить в дверь и смеяться.

Когда Нуф-Нуф разведет тысячу бабочек, земная твердь разверзнется, и сквозь дыру во времени и пространстве пройдет Гурунхтал. Кир вертит пальцем у виска. Гурунхтал явится на свет, споет тремя голосами Истины, призвав к себе Нуф-Нуфа и пробудив в нем всевидящее око Асхалата. Великая тайна сущего или что-то вроде того.

В своей клетке каждый сходит с ума по-своему, говорит Кир.

Кулак врезается в сталь, а я сглатываю сухой комок слюны и пытаюсь понять, как здесь оказался. Сплю ли я? Проснулся ли я в больнице после того, как упал с автострады? Увижу ли я ослепительный белый свет, когда откроется дверь?

Как хорошо, что я под тяжелым наркозом и мне уже все равно. Я стою и молча изучаю коврик с рыбками Инь и Ян у входной двери.

– Не дрейфь, Попрыгунчик, – говорит мне Кир, – Нуф – нормальный парень. У него беда с мозгами, зато он выращивает лучшее лекарство.

– Лекарство? – спрашиваю я. – Что за лекарство?

– Лекарство от всего, – отвечает Кир.

Раздается хрип замка. Дверь открывается, на пороге появляется Нуф-Нуф. Он высокий, с длинными волосами, в грязном, накинута на голое тело халате. Прямо под подбородком набит огромный глаз, лишенный век. Татуировка не скрывает след от петли на шее.

– Знакомься, это Попрыгунчик. – Кир бьет меня по плечу и улыбается.

Нуф-Нуф бросает на меня удивленный взгляд, но ничего не говорит. Он отходит в сторону, пропуская нас внутрь.

Тяжелая стальная дверь с грохотом захлопывается за моей спиной, и десятки пестрых искр поднимаются в воздух. Бабочки. Зеленые, синие, оранжевые, красные. На табуретке перед дверью лежат ключи, мелочь и гнилое яблоко.

Чешуекрылые питаются соком деревьев, гниющими и перезревшими фруктами.

Не снимая ботинок, мы проходим на кухню. Дверь в ванную немного приоткрыта и, пока мы идем по коридору, я замечаю три высоких куста под яркой, прикрученной к душевой кабинке 60-ваттной лампой.

Готов поклясться, это не сельдерей.

– Садись, – говорит Кир, показывая на старый диван, – почувствуй себя как дома.

Кир показывает мне на старый диван, а Нуф-Нуф открывает холодильник и достает из морозилки упаковку из-под мороженого. В ней – прозрачный полиэтиленовый пакет с рыхлыми зелеными комочками внутри.

Перед тем как засовывать в холодильник, пакеты с сельдереем можно немного надуть, чтобы он дольше хранился.

Только, готов поклясться, это не сельдерей.

Кир улыбается своей белозубой улыбкой и падает на диван рядом со мной. Я уже знаю, что в этом пакете.

– Расслабься, Попрыгунчик, – говорит Кир и хлопает меня по плечу. – Время лечиться.

Кир хлопает меня по плечу, а Нуф-Нуф взрывает бонг. Стеклоянная колба для дозирования лекарства.

– Открой душу и впусти в нее Космос, – говорит Нуф-Нуф.

– Расслабься, – говорит Кир.

Я пожимаю плечами, выпускаю в легкие Космос и расслабляюсь. Вдох. 5 секунд. Нуф-Нуф и Кир переглядываются и улыбаются. 7 секунд. Бабочки из колбы смешиваются с ураганами общего наркоза. 10 секунд. Я отправляюсь спасать мир, возвращая космический урожай и поднимаясь по радужной винтовой лестнице, сотканной из крыльев тысячи бабочек. Белозубая улыбка Кира открывает великую тайну Сущего или что-то вроде того.

Внутри меня нежно взрывается атомная бомба. Ядерный гриб поднимается к потолку и греет своим теплом. Верхом на птеродактиле-киборге я устремляюсь в звездный космос, как персонаж малобюджетного научно-фантастического фильма 80-х.

– Ну что, – раздается голос Кира спустя четверть вечности, – полегчало?

Я открываю глаза и вижу, как колышутся цветы на обоях. Над моей головой в табачном дыму порхают бабочки. Что-то жужжит под ухом. Я отрываю бетонный череп от дивана и уставляюсь на Кира. Он сидит за столом, в его зубах сигарета, а его левая рука в левой руке у Нуф-Нуфа. Несколько секунд я пытаюсь понять, что происходит.

Жужжит индукционная машинка, игла бегает по коже. Рукав у Кира закатан. Его предплечье покрыто татуировками. Мой взгляд сползает на его запястье, где я замечаю три уродливых шрама.

– У нас не так мало общего, Попрыгунчик, – говорит Кир, поймав мой взгляд. – Ты, я и Нуф. Мы изгой. Мы бывшие самоубийцы.

Я пытаюсь кивнуть.

– А это, – Кир улыбается и кивает на новую татуировку, – это засечка в честь двух литров твоей сумасшедшей крови.

Я говорю Киру спасибо за то, что толкнул меня с автострады. И за «двойку» на его плече в мою честь – тоже.

Я бы сказал это с сарказмом, если бы не лежал в неестественной позе под «сельдереем» и тяжелым наркозом. Поэтому я говорю это искренне и продолжаю изучать теплый ядерный грибок, проваливаясь в космос.

Пока Кир набивает себе тату, я думаю над тем, что скоро точно умру от голода. Земная твердь разверзнется, и меня сожрет Гурунхтал. Нужно срочно съесть то гнилое яблоко в прихожей. Но мне страшно идти туда одному.

– Мне нравится этот парень, – смеется Кир.

Он смеется где-то далеко, в другой вселенной. Где-то далеко жужжит индукционная машинка, а я лежу в своей ванной, заполненной детской пеной пополам с кровью. Я лежу посреди бескрайних полей и вдыхаю запах клевера. Вокруг меня порхают бабочки и опыляют цветы на обоях. Где-то за холмом под 60-ваттной лампой зреет сельдерей.

Мне так хорошо и так свободно.

Только, готов поклясться, это не сельдерей.

– И что мы будем делать теперь? – спрашивает Нуф из далекой вселенной.

– Теперь мы будем делать следующий шаг, – отвечает Кир из далекой вселенной.

Они говорят обрывками фраз. Осколками слов. Я вслушиваюсь в их разговор, но ничего не слышу. Я вынужден собирать их по частям, составляя общую картину происходящего из кусочков пазла.

Проверка...

Панк-рок...

Бабочки...

Свобода...

Я теряю связь. А в детстве я неплохо собирал пазлы.

Спустя остаток вечности Нуф пожимает плечами и отключает индукционную машинку. Кухня наполняется пустотой и молчанием.

Я лежу на другом конце вселенной и смотрю, как в табачном дыму кружатся бабочки. Зеленые, синие, оранжевые, красные. Их крылья оставляют в воздухе зеленые, синие, оранжевые и красные линии...

– Эй, Попрыгунчик, – голос Кира наконец прорывается сквозь пространство и время и доносится до моих ушей, – умеешь играть на басу?

Я мотаю головой, ведь я не умею. Кажется, не умею. Сейчас я ни в чем не могу быть уверен.

– Тогда у тебя есть неделя, чтобы научиться, – говорит Кир и улыбается.

Их предыдущий басист оказался безответственным мудаком, забивающим на репетиции. Он оказался предателем, кинувшим Кира перед самым концертом в клубе «Подводная лодка».

А я еще не знаю, что Кир не дает второго шанса предателям-басистам.

Я еще не знаю, что под заброшенным часовым заводом на окраине Москвы есть целая плантация «сельдерея».

Я еще не знаю, что Кир превратит Старый Мир в руины.

Я ничего не знаю. Хотя иногда это здорово – ничего не знать, лежать на диване и вдыхать аромат полевых цветов. В бесконечности данного момента тебе уже все равно, чему учиться и откуда прыгать. Поэтому ты отрываешь свою бетонный череп от дивана и говоришь:

– Хорошо, Кир, я научусь играть на басу.

И в этот миг ты делаешь следующий шаг навстречу Вселенскому Хаосу.

5

Пока я в замедленной съемке падаю в пыль на пустыре у заброшенного часового завода, у меня есть время обо всем подумать. О Еве. Об армии самоубийц. О «Новом Мире».

О себе.

Перед тем как я встретил бритоголового парня у автомата на углу, я жил в клетке. Я был одним из тех, кого Кир ненавидит.

Я был Великим Нажимателем Кнопок.

Мои шторы никогда не открывались. В моем холодильнике не было ничего, кроме холода, одиночества, кетчупа и редкого шоколадного молока. Монитор компьютера был моей светодиодной лампой, под которой я гнил. От жизни мне нужен был только искусственный свет и вода. Я был растением. Сельдереем, выращенным на гидропонике.

Блеклые дни, во время которых ничего не происходило, сменяли блеклые ночи, во время которых ничего не случалось. Я был лабораторной мышью с красными глазами, готовой добровольно прыгнуть в мышеловку, лишь бы вырваться из этого замкнутого круга.

Но колесо все крутилось у меня под ногами, а я все бежал и бежал.

В моей крепости не было прочных стен. Вместо них – 140 мм керамзитобетонных перекрытий. Они давали мне иллюзию защиты, чтобы я продолжал испытывать чувство страха. Можно было услышать, как в щелях трахаются тараканы. Или как кто-нибудь из соседей смывает воду в сортире.

В те редкие моменты, когда я все же выходил из дома за шоколадным молоком, я наблюдал за растущей трещиной на торце соседней пятиэтажки. С каждым годом эта трещина становилась все больше, и я не хотел пропустить момент, когда здание наконец рухнет и похоронит под своими обломками десятки невинных жертв.

Когда вода из разбитых сортиров смешается с кровью, водопадом обрушится на улицу, затопив дыры в асфальте, и пронесется по дворам мутной рекой с островками испражнений.

Когда из разбитой бетонной скорлупы под треск прогнивших паркетов и грохот эмалированных кастрюль настенные ковры полетят на асфальт, подняв облако пыли, и сотни тараканов, чей род ведется со времен Хрущева, вырвутся на свободу, разбежавшись по всем палаткам шаурмы в округе.

Когда вокруг руин начнут собираться зеваки, а издалека, со стороны шоссе, донесется приглушенный звук сирены кареты скорой помощи.

В тайне я мечтал об этом.

Если бы кто-то сказал, что в моей жизни есть смысл, я рассмеялся бы ему в лицо.

Я отчаянно желал, чтобы случилось хоть что-нибудь. Я ждал чего-то волшебного и нереального, сидя в своей одинокой клетке и сочиняя дебильные хайку в глупой надежде обрести цель.

*В пене и крови
Боль утопи. Начерти
Три ровных штриха.*

У моего поступка не было определенной причины. Я перессорился со всеми знакомыми, потратил все деньги и лег ванну с теплой водой.

Смысл и не нужен, говорит Кир. Нужны только Развлечение и Свобода.

Кир подарил мне возмутительное. Кир дал мне запретное.

И я перешел черту.

И кое-что случилось.

И кое-что произошло.

Прошлой зимой началась моя проверка. Мой отбор в террористы-ученики.

– У тебя есть неделя, чтобы научиться, – говорит Кир и улыбается.

И всю следующую неделю я провожу по три часа в день на репетициях «Рычащих Искрами Пьяных Тигров», заучивая риффы их песен перед предстоящим концертом в клубе «Подводная лодка».

Первое впечатление от длинного грифа бас-гитары в руке – удивительно приятное. Пытаюсь придумать в зародыше мысль о том, что это может быть связано с каким-нибудь комплексом.

– Панк-рок – это революция, – говорит Кир. – Почувствуй пустоту и разрушение.

У бритоголового парня с молотком в руке есть свои закидоны. Но все мы по какой-то причине делаем то, что он говорит.

И вот я стою и бью по самой толстой из четырех своих струн и пытаюсь почувствовать пустоту и разрушение.

– Восемь квадратов куплета, – говорит Кир, – четыре квадрата припева. Потом – снова восемь квадратов куплета.

Систематическая революция. Хаотический порядок. Структурная симметрия протеста.

Наш сет-лист состоит из трех песен:

«Мамонты вымерли».

«Волосатый член во рту у Системы».

И хит – «Бешеные страусы не прячут голову в песок».

Вообще-то все песни «РИПТ» одинаковые. Они состоят из трех-четырёх пауэр-аккордов, сыгранных на запредельной скорости. Кир всегда выкручивает громкость своего усилителя в десятку. Он говорит, что нужно играть громко, чтобы быть услышанным. Я пожимаю плечами и говорю, что плохо разбираюсь в музыке.

Репетиции проходят в подвалах, сырых и холодных комнатках глубоко под землей с обитыми коробками из-под яиц стенами. Когда я выхожу на улицу после трехчасового рева гитар и грохота ударных, мне хочется снова прыгнуть с автострады. Я слышу звон в ушах еще несколько часов, а Кир говорит, что это помогает «выпустить пар» и «очистить мысли». Я пожимаю плечами. Я не понимаю, чего Кир от меня хочет, но я не задаю вопросов. Так или иначе, медиатор лучше бритвы, а обитые коробками из-под яиц стены лучше серых больничных.

Восемь квадратов куплета.

Четыре квадрата припева.

Потом – снова восемь квадратов куплета...

Систематическое уничтожение Системы.

После репетиции мы заходим в бар и пьем дешевое пиво.

– Посмотри туда, что ты видишь? – спрашивает меня Кир, показывая пальцем в окно. Его глаза уже блестят от темного нефилтрованного.

Я смотрю в окно. Ничего необычного. Я живу в Москве в типовом спальном районе. Когда я смотрю в окно, то всегда вижу одно и то же. Раздолбанные московские дороги, вывеска ресторана напротив, яркие витрины и рекламные щиты. Купи семь гондонов, получи восьмой в подарок. Очередная комедия на ТНТ. Ультратягкая туалетная бумага, воплощающая

в жизнь мечты о комфорте. Мечтаю ли я о комфорте? Не знаю, но, когда смотрю на эти плакаты с маленькими котятами, играющими в розовых рулонах, мне кажется, что только об этом я всю жизнь и мечтал.

Ничего необычного. Напротив бара, в котором мы сидим, находится ресторан и торговый центр. И за этим рестораном и торговым центром есть еще ресторан и еще торговый центр. А за ними – еще и еще. Бесконечная цепь, паутина торговых центров, ресторанов, витрин и рекламных щитов, замкнутая обручем МКАДа. Плати, смотри, получай скидки, чтобы снова платить. 10%-ная скидка на мечту, которую тебе навязывают котята в розовых рулонах.

В глазах котят в розовых рулонах – котята в розовых рулонах, котята в розовых рулонах, котята в розовых рулонах. Рекурсия милоты, заставляющая тебя подтираться ультрамягкой с двойным слоем и получать скидки на следующие покупки. И еще бонусы на карту, чтобы подтираться в два раза больше и в два раза тщательней.

Я ищу за окном хоть что-нибудь, но не нахожу ничего особенного.

Я пожимаю плечами.

– Ни черта я не вижу.

– Вот именно – ни черта, – говорит Кир. – Совсем ни черта. Посмотри налево – ни черта. Посмотри направо – снова ни черта. Ни черта сверху. Ни черта снизу. Ни черта повсюду! Ни черта, ни черта.

Кир говорит быстро, язык его заплетается. Я тоже пьян и обкурен, поэтому мне кажется, будто Кир читает какое-то странное заклинание.

«Ни Черта».

Кир отпивает из кружки. Его рука дрожит.

– Посмотри на них. – Кир кивает, чтобы я посмотрел на людей за стеклом. – Бродят туда-сюда безо всякой цели. «В чем причина моей беспомощности?» – думают они, бреясь по утрам и собираясь на работу, и не находят простого ответа. Их жизни пусты, их мысли – обвалы космического беззвучия. Но каждый из них в тайне мечтает быть героем – мечтает стоять на вершине горы с лазерным мечом в руках, рубить на куски лезущих со всех сторон рептилоидов-захватчиков с Меркурия. Обмазавшись их синей кровью, сшить из чешуйчатой кожи накидку, подобно шкуре Немейского льва. Чтобы потом пить вино, гордо развалившись на троне из костей инопланетян, пока их убаживают ползающие в ногах распаленные девственницы-наложницы...

Кир все говорит и говорит, а мои мысли уносятся прочь с ураганами конопли и дешевого разливного.

Я думаю о том, как все-таки странно, что в нашем мире нет места героям. Или волшебникам. Нет ни Хи-Мена и властелинов вселенной, ни Гарри Поттера. Нет Великих Побед и Великих Целей. Не существует чудес и даже прекрасных совпадений. Не бывает чистого и не бывает совершенного.

Зато бритоголовый Кир «Ураган», загоняющий какую-то дичь, вполне реален, как и его «Рычащие Искрами Пьяные Тигры». Как реально и то, что кто-то однажды придумал натягивать резинки на члены и клеить на щиты у дорог фотографии котят в розовых рулонах.

– ...Но их мечты так и останутся мечтами. Их жизни не имеют никакой художественной ценности, вот почему они вынуждены бессмысленно слоняться туда-сюда под окнами баров, уткнувшись в свои смартфоны, – заканчивает Кир и осушает кружку. – Но я так жить не согласен. Я не согласен гулять на коротком поводке Системы. Я не согласен довольствоваться малым. Мы с тобой, Попрыгунчик, однажды перешли черту. Мы знаем истинную цену жизни и смерти. Мы достойны Большого. Ты согласен, что мы достойны Большого?

Кир внимательно смотрит мне прямо в глаза, а я пытаюсь понять, шутит ли он, проверяет ли он меня или просто вот-вот рухнет на пол и утонет в собственной слюне.

– Да, думаю, мы достойны большего, – аккуратно отвечаю я.

Кир улыбается своей белозубой улыбкой и спрашивает:

– А что для тебя «Большее», Попрыгунчик? И главное – готов ли ты за это «Большее» бороться?

Готов ли я бороться за «Большее», спрашивает меня Кир. Спрашивает меня парень, столкнувший меня с автостреды, а теперь ввязывающий в какое-то дерьмо.

Я пожимаю плечами, отпиваю пива и говорю, что, пожалуй, я готов бороться за «Большее».

Если бы прошлой зимой я еще знал, что это такое.

6

Играть на басу до самого концерта я так и не научился, хотя этого никто и не заметил. Кир как обычно выкручивает громкость своего усилителя в десятку, так что меня почти не слышно. Да и те укуренные и вечно пьяные ребята, что приходят на концерты в «Подводную лодку», все равно разбираются в музыке не лучше меня.

Когда гиг подходит к концу, у Кира рвется струна. Свирепый рев срывается в глухой сип задыхающегося перегруза. Глаза Кира наливаются кровью, и он в щепки разбивает гитару о сцену. Нуф взрывает бласт-бит. Кир поднимает руки в воздух, разбегается и устремляется в свободный полет над бурлящей толпой.

Кажется, это очень просто – разбежаться и прыгнуть. Но я-то знаю, что это не так. Всего секунда промедления, искра сомнения в глазах – и ты ломаешь себе челюсть, разбиваясь о бетонный пол подвального клуба.

Нажиматель кнопок никогда не прыгнет, пока его не подтолкнут.

А Кир прыгает, потому что он знает толк в бессмысленном удовольствии.

«Все дело в мотивации». Так тебе скажут на тренинге по личностному росту. «Главное – вести себя убедительно и заставить толпу довериться тебе». Это тебе скормят на семинаре по развитию лидерских качеств. Только никто не объяснит, что у тебя будет только одна попытка, один единственный шанс. 50 на 50. Тебя поднимают сотни преданных рук или ты выплевываешь свои зубы, лежа у чьих-то ног.

Никто не научит тебя прыжку. Можно только разбежаться, прыгнуть и посмотреть, что будет. Так делает Кир.

И толпа несет его на руках.словно по волнам Кир плывет к выходу. Сегодня он выходит победителем. Его медленно опускают на землю, и он тут же закуривает сигарету.

По десятибалльной шкале победителей Кир – твердая десятка. Его силуэт просматривается в рельефе мышц молодого Шварценеггера. На старых фотографиях Дольфа Лундгрена бритую голову Кира можно увидеть во впадине раздвоенного подбородка. И в печальных глазах Сильвестра Сталлоне. На фото, где Ван Дамм сидит на шпагате, Кир тоже есть.

Кир говорит, если Судьба слепа, то струна может порваться в любой момент. Ты не способен это предотвратить или предвидеть.

Если Судьба непредсказуема, то тебе остается только действовать, пока рвутся твои струны. Действовать без колебаний и без сомнений. Устремляться в полет. Победа или Поражение – не узнаешь, пока не прыгнешь.

Кир ныряет в толпу, рискуя свернуть себе шею.

Кир знает цену жизни и смерти. Он платит ее легко.

Мы выходим из клуба, и Кир бьет меня по плечу. С каждым сделанным шагом я слышу, как в его кейсе-погремушке взбалтывается смесь из щепок и струн, всего пару минут назад являвшейся произведением искусства. А Кир смеется, у него хорошее настроение.

Я говорю, что это был отличный концерт. Я спрашиваю, не жалко ли ему было разбивать свой Les Paul ради нескольких секунд славы. А Кир говорит, что не жалеет о вещах. Особенно если они эффектно разбиты о сцену.

– Я ловлю кайф от уничтожения материальных ценностей, – говорит он, – это мой фетиш. С каждой уничтоженной вещью я чувствую себя свободней и чище. Инструмент – всего лишь кусок дерева. Можно сойти с ума, если переживать из-за каждой мелкой утраты. Предлагаешь

устроить похороны моей гитары? Облить ее останки квадратненьким «Дэниелсом» или кругленьким «Джеймсоном» и произвести церемониальное сожжение на ступенях консерватории? Не по мне.

Я пожимаю плечами. Кир тушит сигарету и изучает мое лицо. Его левый глаз продолжает вести свою собственную жизнь.

– Для парня, который прыгает с автострад, ты слишком серьезен, Попрыгунчик. Тебе нужно немного развеяться, почувствовать настоящую Свободу, – говорит Кир. – Сегодня мы с тобой немного развлечемся. Я наберу тебе ближе к двенадцати, к этому времени будь наготове. Будет весело.

Я наберу тебе ночью, говорит Кир.

Будет весело, говорит Кир.

01:14. Надывается телефонный звонок. Я сползаю с кровати и ищу ногами свои домашние тапочки. Точно. Они остались на шоссе под автострадой. Их раскатало по шести полосам вместе с одинокими вечерами, наполненными шоколадным молоком, из моей прошлой жизни.

– Алло, Попрыгунчик? Подъезжай на Миклухо-Макляя, 13. Тебе понравится, будет весело, жду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.